

Заплыть слишком далеко

*Ольга ФУКС
Фотографии: Павел АНТОНОВ*

НАЗВАНИЕ «СТАРИК И МОРЕ» ПОЯВЛЯЛОСЬ В АФИШЕ ТОЛЬКО ЧЕТЫРЕ РАЗА – ДВАЖДЫ КАК ФИНАЛЬНЫЙ АККОРД ЧЕХОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ ЛЕТОМ И ДВАЖДЫ КАК ПОДНОШЕНИЕ ЮРИЮ ЛЮБИМОВУ ОСЕНЬЮ. ОДНАКО КРАТКОСТЬ ЖИЗНИ ЭТОГО СПЕКТАКЛЯ ОТНЮДЬ НЕ ОТМЕНЯЕТ ЕГО ОГРОМНОГО ЗНАЧЕНИЯ. БОЛЬШЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВ НИЧЕГО НЕ СТАВИЛ В РОССИИ, НО СЕЙЧАС СДЕЛАЛ ИСКЛЮЧЕНИЕ.

Любимое произведение Юрия Петровича, ведущая актриса его театра, давно построившая свою отдельную судьбу, и его младший товарищ, которому однажды Любимов протянул руку помощи и спас ему профессию (а может, и не только профессию). Так звёзды сошлись.

Неслыханная простота пространства: несколько голубых занавесов – знак моря, стол, стул и лампа – место рассказчика, медиума, мировой души, которая впитала в себя все жизни. И старика Сантьяго, и верного ему мальчика, и величественную рыбу-меченосца, и кровожадных акул. И сам дух моря. Позднее эта простота несколько раз взорвётся вспышками театральной красоты – и тогда появится золотогривый игривый лев из вечного сновидения Старика, точно сбежавший изпряного и избыточного восточного театра; море, вспенившееся с помощью мириад взлетевших в воздух серебряных блёсток; сидят лодки на дальнем плане, словно китайская акварель; световой занавес, изобретённый Любимовым и Боровским.

80-летняя Алла Демидова (в случае с ней о возрасте говорить легко, её года – её величие) сегодня играет в Москве только один спектакль: «Ахматову. Поэму без героя» в «Гоголь-центре» – один на один с великой поэзией, раненой памятью, ледяным космосом (хоть и в окружении молодых партнёров-музыкантов). «Старик и море» – спектакль второй. И снова это победительное единоборство, хоть и в окружении безмолвных статистов. Её Рассказчик – без пола и возраста: чёрные бесформенные одежды, копна волос – солёный ветер давно уже приучил их не покоряться, низкочастотный и властный голос, который может быть очень нежным, как штиль на море, а может уничтожить, как стихия.

Занавески колышутся, слегка дотрагиваясь до лица. Их плавное перемещение вверх и вниз создаёт иллюзию спокойного моря. Грубеющий голос восхищённого своим старшим другом подростка, спокойный голос старика – актриса с листками текста в руках не играет их, а лишь обозначает. Но в этом голосовом наброске – первое прикосновение карандаша гения к листу, первое ощущение театра, будто мать читает книгу ребёнку и в его воображении рождается целый мир, который он никогда не видел. А когда увидит – поразится тому, как точно расслышал, угадал его в материнском голосе.

Старик уходит в море. Колышутся голубые занавески-волны, открывается горизонт, садится солнце. Старик растворяется в мире и в море, в своём одиночестве и в своей сопричастности всему живому. Старик читает море, как великую книгу, он – из тех немногих посвящённых, кто умеет понимать её и читать бесконечно, находя всё новые смыслы. В безмятежном голосе зарождается тревога, предчувствие и восторг – так моряки угадывают бурю в появившемся на небе лёгком облачке. Колышутся занавески-волны, одна из них поднимается на изогнутой дуге – всплывает огромная рыба с острым мечом. Она смертельно опасна, прекрасна, совершенна. Старик, вступивший с ней в схватку, не рыбак, а творец, познавший замысел Творца. Целиком, без остатка. Ему только и остаётся, что быть конгениальным этому творению и победить рыбу – исполнить главное дело своей жизни.

С этого момента начинает растягиваться сжатая донельзя пружина напряжения. Сквозь строчки Хемингуэя о победе над Рыбой, о её совершенстве, об осознании сделанного и о своей обречённости – слишком далеко заплыл, не вернуться – проступает гордость художника, сумевшего до конца воплотить свой замысел.

Что поймут в нём акулы, кроме того, что эту красоту можно сожрать? Нечеловеческий накал битвы с акулами, почувствовавшими запах мяса, а после запах крови, приплывшие, «как свинья к кормушке», передаёт всё тот же голос, но уже отторгнутый от Рассказчика, пропущенный через динамики и гремящий теперь откуда-то с неба. Каждое слово отделено восклицанием и звучит как залп, как взрыв, как гвоздь, вбитый в руку («фирменная» васильевская техника речи, его личный побег от бытового, реалистического театра). «Сука-рука!» – неистовствует Старик, потрясая обездвиженной кистью, пострадавшей в бою. Каждый большой художник сможет вспомнить своих «акул» – худсоветы, чиновничьи экспертизы, предавших «единомышленников», судачащих обывателей, расчётливых дельцов – всех, кто за красотой побеждённой Рыбы увидит только лишь наживу, мясо и кровь.

...А рыбаки на берегу ещё долго будут удивляться, разглядывая гигантский скелет – то, что осталось от Рыбы, от этого шедевра Творца и победы Старика. И догадываться, какой прекрасной она была. Мальчик же, вновь обозначенный только голосом актрисы, даже не будет прятать своих слёз.

КОЛЫШУТСЯ ГОЛУБЫЕ ЗАНАВЕСКИ-ВОЛНЫ, ОТКРЫВАЕТСЯ ГОРИЗОНТ, САДИТСЯ СОЛНЦЕ. СТАРИК РАСТВОРЯЕТСЯ В МИРЕ И В МОРЕ, В СВОЁМ ОДИНОЧЕСТВЕ И В СВОЕЙ СОПРИЧАСТНОСТИ ВСЕМУ ЖИВОМУ. СТАРИК ЧИТАЕТ МОРЕ, КАК ВЕЛИКУЮ КНИГУ, ОН – ИЗ ТЕХ НЕМНОГИХ ПОСВЯЩЁННЫХ, КТО УМЕЕТ ПОНИМАТЬ ЕЁ И ЧИТАТЬ БЕСКОНЕЧНО, НАХОДЯ ВСЁ НОВЫЕ СМЫСЛЫ.

To Swim Too Far Out

Olga FOUX
Photos by Pavel ANTONOV

FOR OVER TEN YEARS, ANATOLY VASILYEV DID NOT STAGE ANYTHING IN RUSSIA; NOW HE MADE AN EXCEPTION AND PUT ON THE STAGE YURI LYUBIMOV'S FAVORITE WORK WITH THE LEADING ACTRESS OF HIS THEATRE.

An unprecedented simplicity of space: several blue curtains – the sign of the sea, a table, a chair and a lamp – the place of the narrator, who is the medium, the world soul, absorbed all lives. Both an old man Santiago, and a boy faithful to him, and a grand marlin, and bloodthirsty sharks, and the very spirit of the sea. Later, several times this simplicity will explode with outbursts of theatrical beauty – and then, a gold-maned lion from the old man’s usual dream would appear, as if it had fled from an Oriental theatre; the sea is foaming with the help of a myriad of silver spangles flying into the air; a silhouette of the boat like a Chinese watercolor; a curtain made of light, invented by Lyubimov and Borovsky.

The narrator is played by 80-year-old Alla Demidova – the character without sex or age: black shapeless clothes, a shock of hair – a salty wind has long taught them not to submit, a low and domineering voice that can be very gentle, like a calm sea, and can destroy, like nature itself.

The curtains sway, lightly touching the face. Their smooth movement up and down creates an illusion of the calm sea. The voice

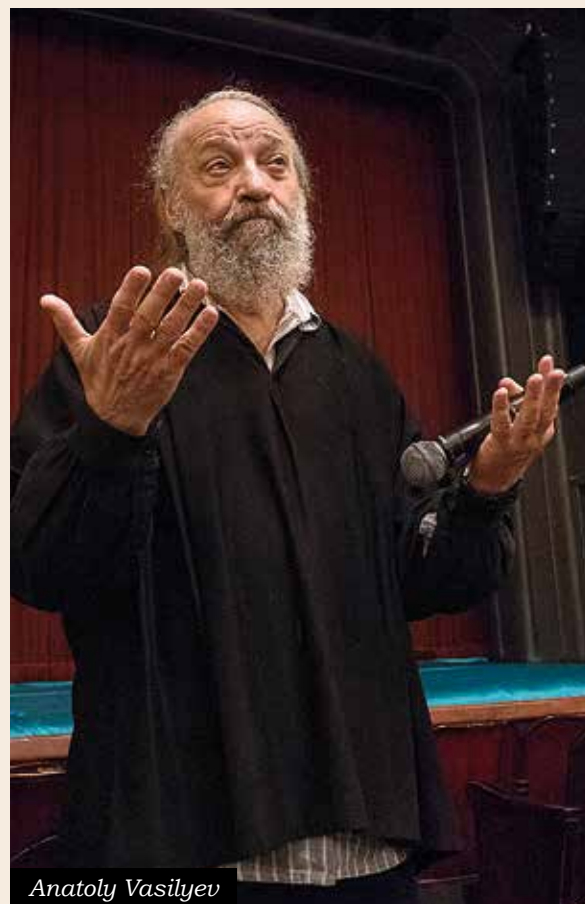
of the teenager who admires his older friend, the calm voice of the old man – the actress does not play them, just indicate them.

The old man is off to the sea. The blue curtains wave, the horizon is open, the sun sets. The old man blends into the world and the sea, into his solitude and his involvement with all living things. The old man reads the sea like a great book, he is one of those initiated who can understand it and read endlessly, every time finding new meanings. In a serene voice, an anxiety, premonition and rapture arise – thus, sailors guess the storm in the light cloud that appears in the sky. One of the curtains rises as a curved arc – a huge fish with a sharp sword pops up. It is deadly beautiful, perfect. The old man who picked a fight with it is not a fisherman, but a creator who perceived the plan of the Creator – entirely, holding nothing back. The only way for him to be congenial to this creation and to defeat the fish – to fulfill the main task of his life.

Through Hemingway’s text about the victory over the Fish, its perfection, about realization of what was done and his doom – he has swum too far out, unable to return – comes out the pride of the artist, who managed to fully incarnate his vision.

What sharks will understand, besides the fact that such beauty can be devoured? The inhuman heat of the battle with sharks, who smelt the meat and blood and came “like a pig to the feeder”, transmitted by the same voice, but it already was torn away from the narrator, passed through the speakers and is already rattling from somewhere in the sky. Each word is separated by an exclamation and sounds like a volley, an explosion, like a nail driven into a hand. “My hand... a bitch!”, – the enraged old man shakes his injured hand after the battle. Every great artist can recall his own “sharks” – artistic expert boards, bureaucratic expertise, traitors– “associates”, gossiping townfolk, shrewd businessmen – everyone who behind the beauty of the defeated Fish sees only profit, meat and blood.

...And fishermen on the shore will marvel for a long time, gather around the giant skeleton, which remained from the Fish – that masterpiece of the Creator and a victory of the old man. Guessing how beautiful it was. As for the boy, once again only indicated by the actor’s voice, he won’t even hide his tears.

Anatoly Vasilyev

THE BLUE CURTAINS WAVE, THE HORIZON IS OPEN, THE SUN SETS. THE OLD MAN BLENDS INTO THE WORLD AND THE SEA, INTO HIS SOLITUDE AND HIS INVOLVEMENT WITH ALL LIVING THINGS. THE OLD MAN READS THE SEA LIKE A GREAT BOOK, HE IS ONE OF THOSE INITIATED WHO CAN UNDERSTAND IT AND READ ENDLESSLY, EVERY TIME FINDING NEW MEANINGS.

